

«МЕРЦАЮЩАЯ» ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Уваров М.С.

г. Санкт-Петербург. Россия

Сегодня в России складывается ситуация, когда само существование интеллигенции как традиционного и исторически сформировавшегося слоя общества ставится под сомнение. Суть проблемы упирается в вопрос о замещении позиции интеллигента позицией интеллектуала. Интеллигенты и интеллектуалы в общественном сознании меняются местами, и не понятно иногда, кому же мы адресуем сегодня «вечные» российские вопросы. Таким образом, проблема проблем – возможна ли истинная российская интеллигенция после ста лет дискуссий, прошедших в XX веке, и после той реальной отечественной истории, которая и есть «наш» XX век. Не истощится ли это «мерцание» и не потухнет ли навсегда звезда российской интеллигенции.

На российском телевидении русского интеллигента загнали в глубокую ночь. Существует целый слой людей внутри интеллигенции, которые уже годами не смотрят телевизор, потому что те программы, которые идут до полуночи, вредны для здоровья зрителей. И редкий интеллигент, перефразируя Гоголя, долетит до середины ночного эфира... Тем не менее если мы так просто расправляемся с проблемой интеллигенции, «отменяем» ее, сводя к интеллектуализму, то жаль нас и наше будущее.

Проблема заключается в том, что классическая русская интеллигенция сегодня никому не нужна. Власти требуется фигура интеллектуала (причем во всех областях деятельности), которая предусматривает безусловное подчинение некоей глобальной идее и структурируется властью так, чтобы она выполняла и доказывала то, что нужно власти. Власти сегодня нужны интеллектуалы, люди, которые выполняют работу, которую условно можно назвать политической логистикой. Почти всегда на уровне регионов власть мыслит кварталами или домами, но никогда не мыслит людьми. А одна из главных черт русской интеллигенции – забота о маленьком человеке. В этом смысле лучшими русскими интеллигентами остаются Пушкин, Гоголь и Достоевский, которые маленького человека любили, уважали и писали о нем с полнотой и искренностью души.

Неизменность людской природы подтверждена, казалось бы, тысячелетиями существования человечества. Меняются века, принципиальной трансформируется мир, но человек остается человеком. Не видно решающих прорывов в воспитании нравственных устоев. Все великие социальные утопии заканчивались крахом. Раной на теле цивилизации остаются войны, которые видоизменяются, теряют классические контуры, но все так же страшны. И, тем не менее, мир современного человека принципиально отличен от того, каким он был еще 40-50 лет назад. Сомнению сегодня подвергаются очень многие фундаментальные вещи: это и роль печатного слова, и искусство, и религия, и собственно человеческое в человеке. На смену эйфории («техника и наука могут все!») приходит разочарование в продуктивности человеческого разума, достигающего немислимых высот в познании окружающего мира и одновременно все больше и больше тонущего в пучине саморазрушения. «...Всего живого нарушаемая связь» (О.Э. Мандельштам) сегодня под большим сомнением.

Во все времена одной из решающих задач разума является честный ответ на вопрос о том, какие негативные стимулы – при всей их внешней завлекательности – составляют угрозу человеческой духовности, а может быть, и самому существованию человека. В России, как сто лет назад ответы на подобные вопросы готовы дать только интеллигенты – люди, не ангажированные властью и отстаивающие право на интеллектуальную свободу.

Современный интеллектуал (в отличие от интеллигента) часто думает, что возможна монополия на истину – как в науке, так и в образовательном процессе, что возможно создать некий единый центр, гуманитарный или технический, в котором будет сосредоточена вся интеллектуальная мощь нашей интеллигенции. И это одно из самых больших заблуждений. Сегодня, в ситуации, казалось бы, обретенной свободы, крайне недостаточна возможность полифонического обмена мнениями, общения в различных культурных пространствах, в разных топосах, где действует не трехмерный мир интеллектуального мышления, а, иной, многомерный, мир интеллигенции.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ КАК УНИКАЛЬНОЕ РУССКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Чемшит А.А.

г. Севастополь. Украина

Время от времени всплывающий вопрос о месте и роли интеллигенции в общественной жизни, нам представляется давно решенным, а каждая очередная попытка его возродить и подвергнуть дополнительному рассмотрению превращается в бесплодное предприятие. Другими словами: стремление поднять на щит вопрос об интеллигенции есть сизифов труд.

Наше мнение является, безусловно, субъективным и в значительной мере провокационным, но базируется оно, тем не менее, на определенных аргументах.

Исходная позиция в наших рассуждениях состоит в том, что ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ – есть уникальное, неповторимое, чисто русское явление. Это не означает, что нигде в мире, кроме России, не встречались персонажи, достойные наименования «интеллигент» (Сократа с его этическим рационализмом в известном смысле также можно причислить к интеллигенции). Но как социальная группа, своеобразный общественный класс интеллигенция сложилась именно в России. Мир обязан появлением оригинального феномена

интеллигенции России, в такой же мере, в какой он обязан, например, Греции, давшей ему философию, или Риму, давшему ему право. Как нельзя превзойти классику, так нельзя превзойти феномен русской интеллигенции, каким он явился миру в XIX – нач. XX веков. Русская интеллигенция сложилась и достигла своих классических форм во взаимодействии и соперничестве с другими уникальными феноменами российской общественной жизни: великой литературой и искусством, религиозной философией, ответственной и компетентной властью.

В чем же заключается уникальность и своеобразие интеллигенции, где пролегает граница между интеллигенцией и родственными ей группами и акторами; такими как интеллектуалы, элита, деятели науки, люди искусства и т.п. Вероятно, общим признаком для всех перечисленных категорий является интеллектуальное начало (профессиональный умственный труд, высокая образованность, весторонняя эрудиция). Но это еще не значит, что перечисленные характеристики автоматически воспроизводят класс интеллигенции. Блестящий ум есть неперемнная составляющая интеллигента, но недостаточная для его классического позиционирования. Не менее важной для интеллигента предстает *нравственная компонента* (что нашло выражение в личности Сократа или панморализме Льва Толстого. С этой точки зрения П.Я. Чаадаев не подпадает под категорию интеллигента, он – скорее интеллектуал). Интеллигенции свойственно стремление к артикуляции и продвижению *общего интереса*, в то время как интеллектуалы содержат в себе и несут дальше *индивидуализм*. Способность к обогащению общества ценностями общезначимого плана – есть имманентно присущая интеллигенции черта. Интеллектуалы же, как бы сами по себе, гордо взирают на мир, не доросший до их уровня понимания порядка вещей. Интеллигенции свойственны героизм, подвижничество, романтизм, готовность принести в жертву как себя, так и других во имя высших идеалов. Те, кто позиционируют себя как интеллектуалы, смотрят на все это как на величайшую глупость, оскорбляющую их “высший разум”. Интеллигенция – это высокопафосная категория людей, по своей сути глубоко религиозная. При этом религиозность распространяется не только на тех, кто исповедует Христа, но и на тех, кто по своим философским взглядам есть атеист и материалист. Их всех объединяет ВЕРА, вера в высокие идеалы и высокие устремления.

Важнейшим критерием разграничения интеллигенции и родственных ей социальных групп есть отношение их и ВЛАСТИ. Начнем с элиты. Всю элиту можно подразделить на правящую и оппозиционную. Вторая выступает по отношению к первой как контрэлита. Между ними идет непрерывная борьба, которую можно обозначить как борьбу по горизонтали: “критику слева” или “критику справа”. Эта борьба ведется с соблюдением правил политической игры, что служит аргументом в пользу общности элиты и контрэлиты. Интеллигенция в силу самого своего происхождения чужда власти и критически настроена по отношению к ней. В силу своего идеализма интеллигенция не может “дружить” с властью, свои идеализированные представления и проекты она с неизбежностью предьявляет власти как некую альтернативу реально проводимой политике. Интеллигенция есть живой укор существующему режиму государственной власти. Если государство есть мозговой центр общественной системы, то интеллигенция – ее живая совесть. Интеллигенция подвергает власть критике “не слева” и “не справа”, как это делает контрэлита, а **сверху**, т. е. с идеализированных, нравственных, умственных и неосуществимых позиций. Интересно, что интеллектуалы также выражают свое отношение к власти “вертикальным образом”, но эта критика идет “снизу”: либо в форме политического индифферентизма, либо в циничной форме охаивания власти за “тупость”, “бездарность”, “бюрократизм”, “авторитаризм”, “нарушение прав человека” и т.п. Интеллектуалы могут себе позволить высокомерное безразличие к политике, а вот внеполитический настрой в среде интеллигенции по определению недопустим, поскольку ослабляет ее историческое предназначение. Важно заметить, что интеллигенция сохраняет свой статус до тех пор, пока во взаимоотношениях с властью ее оружием есть критика. Когда же оружие критики сменяется критикой оружия, интеллигенция перестает быть сама собой и переходит в разряд политической элиты (П.И. Пестель, В.И. Ленин, В.Р. Менжинский). Задачи интеллигенции не в самом преобразовании общества, а в создании идеализированных проектов общественных систем, в поддержании высокой температуры общественных настроений. Необходимо помнить, что властность есть волевое управление человеческим поведением, а интеллигентность – это ненавязчивый пример (образец) для подражания. В своей критике власти интеллигенция стремится занять позицию народа, в то время как интеллектуалы смотрят свысока и презирают в равной мере как власть, так и сам народ.

Интеллигенции, о которой шла речь выше, больше не существует, она давно “почила о бозе”. “Интеллигенция” в эпоху исторического материализма, или, как ее называли, “советская интеллигенция”, в действительности таковой не была хотя бы потому, что она теснейшим образом была связана с властью и не была самостоятельным образованием. Уровень ее интеллекта и образованности существенно уступал уровню ее предшественницы. Советский период был периодом местами радикального (репрессии), местами постепенного (вялотекущая деградация) сведения на нет великолепного общественного класса. Крах социализма и эпоха вестернизации и олигархизации окончательно добивает сами признаки интеллигентского сознания. Упоминания о творческой и научной интеллигенции не вполне корректны, поскольку наука и искусство пребывают в состоянии заброшенности либо носят откровенно коммерческий характер. Интеллигенции в ее оригинальном первоначальном виде более не существует. Русская интеллигенция XIX века прекратила свое существование, она сожгла себя в горниле трех революций и выполнила свою историческую миссию. Думается, что реанимировать интеллигенцию как сословие нельзя. Не стоит забывать, что параллельно следовало бы возродить из пепла и великую литературу, и мировой значимости искусство, и неповторимых титанов религиозной русской философии, без влияния которых само явление интеллигенции в своем оригинальном виде было бы невозможным. В век постмодернизма, упадка нравов, “культурного дебилизма” и торжества потребительских настроений ждать возрождения интеллигенции как класса по меньшей мере было бы наивно.